
САЯТ-НОВА В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
(К 300-летию великого армянского поэта-ашуга)

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

Выдающийся поэт-ашуг XVIII в. Саят-Нова, уроженец разноплеменного Тифлиса Арутин Саядян (1712 – 1795) – певец любви и справедливости, полупоэтический персонаж, истинное время рождения и подлинный облик которого до сих пор остаются в дымке неизвестности.

В российской литературной действительности XX в. самую весомую и точную оценку гениальному представителю армянской средневековой поэзии дал маститый поэт, ярчайший представитель русского символизма В. Я. Брюсов, охарактеризовавший Саят-Нову как поэта «величественного» и «многообразного», «чуткого» и «страстного», видевший в нем одного из тех «первоклассных» песнопевцев, которые «силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества», заявивший, что народ, давший Саят-Нову, тем самым «уже навсегда включил себя в число культурных наций, участвующих в совместном творчестве человечества»¹.

Поэтому вполне закономерно, когда спустя десятилетия, 250-летний юбилей Саят-Новы (исполнявшийся по принятой дате рождения в 1962 г.), по решению Всемирного Совета Мира был отмечен в 1963 г. во многих странах и особенно широко – в Советском Союзе, ознаменовавшими великое культурное событие в жизни армянского народа масштабными мероприятиями, писательскими конференциями, новыми переводами, литературно-критическими и публицистическими статьями известных мастеров пера. Кому не знакомы в переводах на языки мира, и в первую очередь на русский, знаменитые и ставшие крылатыми строки армянского ашуга:

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!

Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!

*Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих!*²

Брюсов справедливо выделяет Саят-Нову среди творцов «нового типа», считая его «вознесшим поэзию ашугов на недосягаемую до него высоту...», «мощью своего гения» превратившего ремесло народного певца в «высокое призвание поэта». Сказано метко: вряд ли в каком-нибудь другом

¹ «Русская мысль», 1916, ¹ 9. См. также сб. Брюсов и Армения, кн. 1. Ереван, 1988, с. 54.

² С а я т - Н о в а. Стихотворения. Л., 1982, с. 57.

определении правильнее вырисовался Саят-Нова – новый тип народного творца переходного периода армянской истории, ярче была раскрыта тайна величия искусства, связь лирической поэзии Саят-Новы с лучшими национальными традициями прошлого, ценность и знание его поэтического искусства с точки зрения художественного развития в новое время.

Замечательные песни Саят-Новы на языках трех закавказских народов издавна пользовались большой популярностью во многих слоях общества – их с любовью исполняли в Тифлисе на семейных торжествах, различных празднествах, и, распространяясь, они, естественно, приносили громкую славу, все большее признание их творцу. Молва гудела о нем, однако «официально» в печати имя поэта-ашуга появляется довольно поздно. Имя «пишущего совсем по-народному», «знаменитого» поэта, «великого Саят-Новы» читатель впервые встречает в 1847 г. и в 1851 г. в армянских журналах «Базмавеп» и «Арарат». Армянская литературная общественность познакомилась с творчеством Саят-Новы благодаря филологу, общественно-политическому деятелю, основоположнику саятнововедения Г. Ахвердяну, когда в 1852 г. в Москве вышел в свет первый сборник армянских стихов поэта³. Это умело и добросовестно выполненный, с научной точки зрения, пожалуй, классический труд, в котором к опубликованным 46 стихотворениям было предпослано обстоятельное введение Г. Ахвердяна.

Однако еще до появления этого труда Г. Ахвердяна, в печати появилась статья о Саят-Нове известного русского поэта Я. Полонского⁴, жившего и служившего в те годы в Тифлисе. Благодаря ей русскоязычный читатель впервые получил возможность ознакомиться с гениальным армянским самородком, но, главное, это выступление в печати было первым научно весомым словом о жизни и творчестве великого армянского народного певца, высказанным «человеком со стороны» – неармянином. Интересная и многоаспектная статья Я. Полонского, большого друга армянского народа, отразившего в своем собственном художественном творчестве своеобразие тифлисского армянства, явилась знаковым событием в литературной жизни народов многонационального края, составила блестящую страницу в богатой истории армяно-русских литературных и культурных связей.

Разумеется, статья русского литератора в газете «Кавказ» не случайна: Полонский был связан с видными тифлисскими интеллигентами – армянами, русскими, грузинами. К числу его близких друзей относился и Г. Ахвердян (известный в русском кругу как Юрий Ахвердов), который в те годы был поглощен работой над подготовкой к изданию «Давтара» (тетради) Саят-Новы. Полонский не только был в курсе этих дел, но с помощью своего армянского друга достаточно подробно ознакомился с песнями великого ашуга. Говоря о «Давтаре», русский поэт

³ *Մայր-Նույս Հրատ. Գ. Այվերդյան, Մուկիս, 1852:*

⁴ «Кавказ» (Тифлис), 1851, ¹ 1–2.

упоминает в своей статье: «Я видел ее у Ю. Ахвердова, любителя армянской литературы и собирателя армянских песен. Ему я обязан возможностью написать статью, предлагаемую читателям...». Вызывает уважение широта историко-филологических и эстетических оценок, данных Полонским армянскому ашугу, жившему за целый век до него, глубина проникновения в поэтический мир Саят-Новы, до тех пор неведомый и где-то даже чуждый русскому поэту. Он предложил характеристики, и поныне, несмотря на последующие заметные достижения саятноведения, в некотором смысле сохранившие свою научную ценность и свежее звучание.

В статье Я. Полонского прежде всего привлекает внимание трезвая социальная оценка, данная творениям Саят-Новы. Как пишет автор, «для своего века, для Тифлиса, состарившегося под игом мусульманского владычества, среди разлагающегося смешанного общества, Саят-Нова – исключение в высшей степени отрадное». «Чувствуешь невольно, – замечает Полонский, – как этот человек должен был страдать, потому что был выше своих современников». В поэзии Саят-Новы русский поэт обратил внимание на одно весьма важное обстоятельство – исключительную тонкость и глубину поэтизации человеческих чувств, в частности любви. «Вывод» Полонского своеобразен и не слишком устарел до сих пор: «В песнях Саят-Новы мало тех ярких блестящих красок, от которых природа на Востоке часто принимает какой-то странный, мишурный блеск, нет и тех фантастических образов, которые как будто порождает опиум. Вообще в стихах его мало воображения – много чувства: но это чувство, там, где оно высказывает в стихах его, по большей части так глубоко безмятежно, что любовь его похожа на дружбу, дружба – на любовь».

Духовно-эмоциональное воздействие армянского ашуга на Я. Полонского оказывается столь сильным, что он завершает свою обстоятельную статью собственным стихотворением «Саят-Нова»:

*Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.*

*Много и песен умчит навсегда невозвратное время —
Новые встанут певцы, и услышит их новое племя.*

*Если погибну я, знаю, что мир мои песни забудет;
Но для тебя, нежный друг мой, другого певца уж не будет.*

*Если погибну я, знаю, что свет не заметит утраты;
Ты только вспомнишь те песни, под звуки которых цвела ты.*

*Я просветил твое сердце – а ты – ты мой ум помрачила;
Я улыбаться учил — а ты плакать меня научила.*

*Так, если смолкну я, страстно любя тебя, друг благородный,
Где - разреши мне последний вопрос мой, - где будет холодный
Прах мой покоиться? Там ли — в далеких пределах чужбины,
Здесь ли, в саду у тебя, близ тебя, под навесом раины?..*

Как видим, сочинение Полонского «сделано под Саят-Нова»: здесь и сравнения, и образный строй, и эмоциональный накал характерны для армянского ашуга... Сам русский поэт в заключение своей статьи писал: «Не смею назвать стихи моим переводом, когда я писал их, я только помнил мотив и давал полную волю своей фантазии».

О трудностях перевода песен Саят-Новы говорить не приходится: они очевидны и обусловлены характерными особенностями поэтической системы ашуга – «буйством» образов и красок, метафор и сравнений, пышностью и в то же время лаконичной меткостью языка, глубиной мыслей и чувств, нюансами настроений, «жемчугом» речи...

«Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!» – восклицал поэт, словно предостерегая своих будущих переводчиков от необдуманных и неоправданных вольностей и лингвостилистических «шалостей». К счастью, у него оказались довольно добросовестные и дотошные интерпретаторы, начиная с В. Брюсова и кончая целой плеядой отменных русских советских поэтов-переводчиков тридцатых годов и более позднего времени, успешно продолживших и развивших традиции так называемой «брюсовской школы» перевода. Эта переводческая школа отличалась тем, что мэтр русской поэзии придавал огромное значение сохранению точности, музыкальности и «аромата» подлинника, был противником практики «вольного перевода» и явился, по выражению литературоведа Л. Мкртчяна, «первым поэтом-переводчиком, блестяще «пересоздавшим» на русском языке «особый смысл» и «особый вкус» лирики Саят-Новы»⁵.

История «русского» Саят-Новы весьма примечательна. Впервые стихотворение ашуга «Откуда, чуждый соловей?» появилось в русском переводе известного поэта, переводчика, журналиста и историка Н. Берга (1823–1884) в его книге «Песни разных народов»:

*Откуда, чуждый соловей?
Не плачь, заплачу лучше я!
Грустишь о розе ты своей...
Не плачь, заплачу лучше я!*

*О милой розе ты пропел;
Да будет счастлив тот предел,
Откуда к нам ты прилетел...
Не плачь, заплачу лучше я!*

⁵ См.: Л. М к р т ч я н. Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX веков. Ереван, 1968, с. 110–111.

*Ты все порхаешь по кустам
И льнешь к возлюбленным цветам,
И я хожу с подругой там...
Не плачь, заплачу лучше я!*

*Мгновенья сладкие лови,
И розу милую зови
И пой ей песни о любви!...
Не плачь, заплачу лучше я!*

*О птичка! знаю я одно –
Грустим и любим мы равно;
Саят-Нова сказал давно:
Не плачь, заплачу лучше я⁶*

О весьма условной адекватности перевода можно судить, сравнив его с оригиналом:

*Ուստի՞ գորքաւ, դարիբ բըրբուլ,
Դու մի լաց լի, յի՛ս իմ լալու.
Դու վարթ զըտոռէ, յի՛ս գոգալին,
Դու մի լաց լի, յի՛ս իմ լալու:*

*Արի, բըրբուլ, իսո՛ւի բառըն,
Օհնըվի բու էկած սարըն.
Քի վարթն էրից, ինձ իմ յարըն,
Դու մի լաց լի, յի՛ս իմ լալու:*

*Ման իմ գալի դիդարի հիդ,
Վունց դարիբ բըրբուլ խարի հիդ.
Դու վարթի հիդ, յիս յարի հիդ,
Դու մի լաց լի, յի՛ս իմ լալու:*

*Մալբբուլի նըման կանաչ իմ,
Ե՛կ, իսո՛ւի՝ ձայնիտ ճանանչ իմ.
Դու վարթ կանչէ, յիս յա՛ր կանչիմ,
Դու մի լաց լի, յիս իմ լալու:*

*Ղարիբ բըրբուլ՝ ձայնըտ մալուս,
Յիս ու դուն էրվինք մէ հալուս.
Մայարթ-Նովեն սասց՝ գալուս,
Դու՛ս մի՛ լաց լի, յի՛ս իմ լալու⁷:*

⁶ Н. Б е р г. Песни разных народов. М., 1854, с. 245.

⁷ Մ ա յ ա թ-Ն ո վ ա. Հայերեն խաղեր, Երևան, 1984, էջ 33:

Для сравнения с «берговским» приведем перевод В. Брюсова этого прелестного ностальгического стихотворения:

Откуда ты? (я соловью)
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью,
Ты розу ждешь, я – милую...
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе – цветок, мне – милая...
Но ты не плачь! Я слезы лью.

В душе моей тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? Что сладостней?
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Как кипарис, один стою,
Пой, соловей! И я пою.
Ты розу ждешь, я – милую...
Но ты не плачь! Я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты и я...
Саят сказал: "О милая!
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью"⁸.

Впрочем, на довольно долгое время пребывавший в забвении, на наш взгляд, посредственный и весьма вольный перевод Н. Берга в конце шестидесятых годов XX в. обратил внимание поэт и переводчик И. Поступальский, который написал: «Эта берговская версия песни Саят-Новы звучит не хуже, а, пожалуй, даже лучше кое-каких и переводных, и оригинальных стихотворений, печатавшихся в середине прошлого столетия в русских журналах и альманахах»⁹. С данной оценкой можно поспорить, но, действительно, даже в самом конце XIX в. и особенно в начале XX в., до выхода в свет брюсовской антологии, многие переводы с армянского по своему художественному уровню были ненамного лучше «берговского»...

Таким образом, статья Я. Полонского и перевод Н. Берга по сути долгое время оставались почти единственным источником информации о поэзии Армении. Можно без преувеличения констатировать, что вплоть до самого конца XIX в. не было на русском языке ни одного издания, по которому читатель мог бы составить цельное представление об армянской литературе.

⁸ С а я т - Н о в а. Указ. раб., с. 86.

⁹ См.: Л. М к р т ч я н. Указ. раб., с. 17.

Русских поэтов XIX – XX вв. всегда привлекала и завораживала богатейшая и самобытная армянская поэзия, великие поэты Армении. Они знакомились с жемчужинами поэзии (естественно, в подстрочных или довольно вольных переводах), писали о глубине, мудрости и философском складе поэзии и поэтов армянского Средневековья и более поздних, но не всегда осмеливались прикоснуться к ней, дотронуться «сознанием и духом» до нее – слишком яркой, музыкальной, живописной и своеобразной она представала перед ними! К переводу поэзии Саят-Нова благоговейно и бережно относились многие видные русские поэты и переводчики.

Безусловно, первоочередна и неопенима роль В. Брюсова в представлении и литературоведческой оценке армянского ашуга. В историко-литературном очерке «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», предваряющем уникальную антологию «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1916), русский поэт глубоко, как ученый-литературовед, писал: «Саят-Нова первый показал и доказал своим примером, какая сила таится в голосе народного певца, показал, что этот певец не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророк, как бы ни казались легкомысленны темы его песен. Саят-Нова воспринял манеру своих предшественников, но придал ей чекан совершенства, и вдруг стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается в той песне ашугов, к которой многие относились слишком поверхностно. В то время, как умирала монастырская поэзия ученых-монахов, Саят-Нова дал почувствовать, что армянская поэзия жива: она только ушла из монастырских стен в народ... Содержание стихов Саят-Новых на первый взгляд – однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаянья к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков»... Истинный поэт дает читателю или слушателю почувствовать все — лишь силою едва заметных переходов одного цвета к другому. Но как в то же время остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новых эти «оттенки»: их воспринимаем мы как самые яркие цвета, с которыми не могут соперничать никакие мазки менее удачливых (скажем прямо: менее гениальных) поэтов, накладывающих краски слишком густо. Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах»¹⁰.

¹⁰ Брюсов и Армения, кн. 1, с. 104–105.

Останавливаясь на особенностях стихосложения армянского поэта, Брюсов анализировал: «Саят-Нова утвердил, освятил для песен ашугов особую форму стихов, приближающуюся к персидской «газели»; после того эта форма стала любимой и господствующей у всех певцов. Непременное повторение одного и того же слова (или нескольких одинаковых слов) в конце целого ряда стихов, требуемое этой формой, само уже принуждает поэта искать разнообразия в однообразии. Но в то же время эта форма, почти независимо от поэта, дает особую звучность, углубленную певучесть его стихам. У Саят-Новы соединяется с этим чуткая заботливость вообще о звуковой стороне стиха. Песни Саят-Новы исполнены ассонансов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и — дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общеупотребительных размерах... У Саят-Новы все оживлено и одухотворено силой подлинного поэтического гения. Такими поэтами, как Саят-Нова, может и должен гордиться весь народ; это — великие дары неба, посылаемые не всем и не часто; это — избранники providения, кладущие благословение на свой век и на свою родину...»¹¹.

Для отредактированного им сборника В. Брюсов перевел ряд поэтических жемчужин Саят-Новы: «Я в жизни вздоха не издам...», «Я — на чужбине соловей...», «Нынче милую мою видел я в саду...», «Меня и милую мою година та ж родила...», «Чужбина — мука соловья...», «Ах, почему мой влажен глаз...», «Откуда ты? (я — соловью)», «Твоих грудей гранат — что меч...», «Твой силен ум...», «Угодливо, народный раб...», «Ты, безумное сердце, мне внемли...», «Каманча», которые удостоились восторженной оценки армянской интеллигенции того времени и последующих поколений.

После брюсовской антологии «Поэзия Армении», подарившей русскому читателю целое созвездие выдающихся и гениальных армянских поэтов и их сочинений, наиболее широко был представлен Саят-Нова в русскоязычных изданиях советского периода, в первую очередь в «Антологии армянской поэзии», готовившейся под редакцией М. Горького в тридцатые годы и вышедшей в свет в 1940 г. (к сожалению, после ряда неоправданных цензурных изъятий сочинений поэтов, «крамольных» с точки зрения советской идеологии), а также в более поздних сборниках переводов поэзии Армении¹².

В числе русских искусных интерпретаторов Саят-Новы, помимо Брюсова, в последующие годы выступили такие маститые и выдающиеся поэты и переводчики, как С. Шервинский («Как соловей, томилась ты», «Твой волос — смоченный рехан...», «Лишь знать, как много лет тебе...»,

¹¹ Там же, с. 107.

¹² См.: С а я т - Н о в а. Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен. Ереван, 1945; С а я т - Н о в а. Лирика. М., 1963; С а я т - Н о в а. Стихотворения. Л., 1982 и др.

«Жив доколь я, джан...», «Меня ты ранишь без ножа...», «Яр, никогда не знай беды...», «Внемли: проникнуты слова мои мольбой...», «Наш мир – окно...» и др.), М. Лозинский («Я был в Абаше, я весь мир прошел...», «Отраден голос твой, и речь приятна...», «Я болен от любви к тебе...», «Ты, как сирена, что губит пльвущих...» и др.), А. Тарковский («Я ждал, я пролил столько слез...», «Миру твой царственный облик на диво...», «Благословен строитель, возведший мост!..», «Твоему суду сердце будет радо...», «Из-за тебя, красавица...», «Все расскажу о родинках любимой...», «С поникшей головой, в цепях...» и др.).

Среди переводчиков поэзии Саят-Новы, с большой ответственностью и воодушевлением подошедших к трудоемкой, но благодарной работе, были также К. Липскеров («Смерть придет ко мне незванно...», «Мир – ничто», – мне кто-то шепчет...», «То, что бархат я, что шелк я...», «Я лишь слуга ашугов искушенных...», «Весь этот мир – лишь суета...»), В. Звягинцева («Невыносимым стал мне песенный мой дар...», «Яр, мук терпеть не стану, нету силы...», «В морях любви на дне есть жемчуг...», «В когтях тоски забыта жизнь моя...», «Да будут смертному слова мои ясны...»), В. Потапова («Ты – пенная Кура...», «Златые пуговицы...», «Пусть попугай поет...», «Питомица розы...», «Полуночная звезда...», «Разве голоден был...», «Мало радости...», «Оставь меня!..»), С. Гайсарьян («О царь, люби закон и суд...») и др.

Успешные труды русских переводчиков Саят-Новы были по достоинству оценены армянским литературоведением и критикой, русскими ценителями поэзии Армении, а лучшие из переводов неизменно входили во все издаваемые впоследствии сборники армянской поэзии.

Разумеется, не все перечисленные переводы Саят-Новы, причем не только с армянского, но и с грузинского и азербайджанского, можно отнести к совершенным и адекватным, полностью соответствующим высотам оригинала. Пожалуй, таковых, и в помине нет – ведь общеизвестен афоризм: «перевод – изнанка ковра: узоры блекнут!». Да и некоторые из маститых поэтов просто отказывались браться за труд, нелегкий и порою неблагодарный (в смысле иногда безуспешной творческой реализации поставленной задачи).

Так, видный русский советский поэт Н. Тихонов, недовольный своей работой над армянской поэзией для «горьковской» антологии тридцатых годов, 25 августа 1935 г. писал московскому куратору сборника К. Микаэлян: «...Кучака и Саят-Нову, как я не одолевал, – они у меня не выходят ... Я много бился с Кучаком и Саят-Новой, но они во много сильнее меня. И те слепые слепки, что получались по-русски, я под конец с досады просто уничтожил. Я смотрел Брюсова и должен сознаться, что он сделал, по-видимому, все, что мог, и со звуковой стороны все-таки едва приблизился к могучему движению стиха этих далеких поэтов.

Красочность их почти непередаваема по-русски... Я оставил их в покое...»¹³. Опытный переводчик М. Лозинский, также с высочайшей ответственностью работавший над Саят-Новой, признавался К. Микаэлян в одном из своих писем 1935 г.: «...получив от Вас Саят-Нову, я похолодел, но сделал над собой героическое усилие, сел за работу – и работал с наслаждением. Поэзия Саят-Новы – великолепна! Я и раньше знал и любил его. Теперь страшусь Вашего суда... Если требуется что-нибудь изменить, постараюсь сделать это, во славу Саят-Нова...»¹⁴.

Поистине, гений великого ашуга и соблазнял, привлекал переводчиков, и настораживал, отпугивал их – «справятся ли» с этой ношей, с этой колоссальной вершиной Поэтического Слова?

Н. Тихонов, так и не осмелившийся опубликовать свои уже сделанные переводы из Саят-Новы, но прекрасно понимавший и ценивший его поэзию, дал позднее замечательную характеристику ашуга в своей юбилейной статье «Гремучий ключ» (1963): «Мы слушаем поэта как свидетеля, как судью своего времени, но для нас особое значение имеет то, что сказано им как человеком, чувствовавшим силу слова и веру в свое призвание. Раскрывая книгу Саят-Новы, читаем строки, полные достоинства, глубокого смысла и поэтической силы... Ашугом ашугов был Саят-Нова. Он был велик необычайным лирическим своим талантом. Непревзойденный мастер стиха, блещущего всеми красотами образности, стиха музыкального, удивительного, виртуозности небывалой... Он имел удивительные способности. Его поиски новых средств изобразительного и насыщенного звукописью до предела стиха до сих пор вызывают восторженное удивление знатоков. Голос, дошедший до нас, звенит, и гремучим ключом кипят драгоценные поэтические строки Саят-Новы!»¹⁵.

С этой оценкой согласились бы, безусловно, и все другие видные русские поэты-переводчики, когда-либо соприкоснувшиеся с поэзией великого армянского поэта-ашуга.

Саят-Нова вечен и непобедим в веках, потому что общечеловечна и понятна его бунтующая гражданская и страстная романтическая лирика, высокая поэзия всепобеждающей любви и вечной истины...

Гениальный поэт, прекрасно знавший о властной силе своего страстного слова над людьми, метко охарактеризовал самого себя в бессмертной строке: «Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих!»

¹³ Р. Багдасарян. Николай Тихонов и Армения. Ереван, 1995, с. 140–141.

¹⁴ Р. Багдасарян. Карен Микаэлян. Творчество и вклад в русско-армянские литературно-культурные взаимосвязи. Ереван, 2010, с. 162–163.

¹⁵ Н. Тихонов. Дни открытий. Книга об Армении. Ереван, 1970, с. 183, 187, 189.

ՄԱՅԱԹ-ՆՈՎԱՆ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆՅԱՆ ԳՐԱԿԱՆ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՁ
(Հայ մեծ բանաստեղծ-աշուղի 300-ամյակի առթիվ)

ՌՈՒԲԵՐՏ ԲԱԴԴԱՍՅԱՆ

Ս մ փ ն փ ու մ

Հայ մեծ բանաստեղծ-աշուղի Սայաթ-Նովայի (1712–1795) ստեղծագործությունը XIX դարի կեսերից Թիֆլիսում բնակվող ու ծառայող ռուս գրող և բանաստեղծ Յա. Պոլոնսկու շնորհիվ հայտնվում է ռուսաստանյան և ռուսալեզու հասարակայնության ու մտավորակալության ուշադրության կենտրոնում: Ընկերական կապերի մեջ լինելով թիֆլիսահայ հայտնի գրագետ ու հասարակական գործիչ, առաջին սայաթնովագետ Գ. Ախվերդյանի հետ՝ Պոլոնսկին «Կովկաս» ռուսալեզու թերթում (Թիֆլիս, 1851, -1-2) տպագրում է «Սայաթ-Նովա» հոդվածը, որում հայ բանաստեղծի պոեզիային տալիս է բավականին հետաքրքիր և ուրույն գնահատական, իսկ Սայաթ-Նովային նվիրում սեփական նույնանուն չափածոն: Սակայն Ռուսաստանում հայ բանաստեղծ-աշուղի իսկական ճանաչման սկիզբը դրվեց նշանավոր բանաստեղծ Վ. Բրյուսովի խմբագրությամբ լույս տեսած «Պոեզիա Արմենիի» (Մոսկվա, 1916) հայտնի անթոլոգիայի շնորհիվ, ուր գեղեղված էին ռուս բանաստեղծի տասնյակից ավելի թարգմանությունները՝ գրականագիտական լուրջ վերլուծությամբ հանդերձ: Հետագայում Սայաթ-Նովայի ստեղծագործությունները ռուսալեզու մի շարք հրատարակություններում ու ժողովածուներում լույս են տեսնում անվանի բանաստեղծներ ու թարգմանիչներ Ս. Շերվինսկու, Մ. Լոզինսկու, Ա. Տարկովսկու, Գ. Լիպսկերովի, Վ. Զվյագինցևայի, Վ. Պոտապովայի, Ս. Գայսարյանի և այլոց բավականին հաջողված թարգմանություններով:

SAYAT-NOVA IN THE REALITY OF RUSSIAN LITERATURE
(To great Armenian poet-ashugh's 300th anniversary)

ROBERT BAGHDASSARYAN

S u m m a r y

Great poet-ashugh Sayat-Nova's (1712–1795) works, thanks to living and serving in Tiflis from the middle of the 19th century Russian writer and poet Ya. Polonsky were in the spotlight of Russian and Russian-speaking intellectuals and the public. He, being on friendly terms with literate and well-known public figure in Tiflis, the first researcher of Sayat-Nova's art G. Akhverdyan, published an article named "Sayat-Nova" in Russian-language newspaper "Kavkaz" (Tiflis, 1851, № 1–2), in which Armenian poet's poetry was given a very interesting and original appraisal, and dedicated to Sayat-Nova his own verse of the same name. Nevertheless, the beginning of Armenian poet-ashugh's real recognition in Russia was owing to the well-known anthology "Poetry of Armenia" (Moscow, 1916) edited by famous poet V. Bryusov, in which dozens of Russian poet's translations were placed with serious literary analysis. Later Sayat-Nova's works were published in some Russian and Russian-language publications and collections in rather successful translations of celebrated poets and translators S. Shervinsky, M. Lozinsky, A. Tarkovsky, K. Lipskerov, V. Zvyagintseva, V. Potapova, S. Gaysaryan and others.